

СОЧИНЕНІЯ
ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угодень — пусть меня читають,
Противень — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не иду.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цевсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, Марта 20 1848 года.**

Ценсоръ *Никитенко.*

ЗАПИСКИ
КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА
ДОЛГОРУКАГО.

1764 годъ.

..... Годъ сей ознаменовался въ домѣ нашемъ печалью. Въ Январѣ скончался отецъ моей матери баронъ *Николай Григорьевичъ*. О немъ безъ лестьи можно сказать, что онъ былъ истинный сиротамъ отецъ и бѣднымъ покровъ. Въ Апрѣлѣ Богъ опредѣлилъ мнѣ родиться, и природа произвела меня на свѣтъ 7-го числа въ Великую Среду, передъ полуднемъ. Случилось сіе радостное въ домѣ нашемъ происшествіе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, во дни царствованія Великія Екатерины. Домъ, въ которомъ я увидѣлъ первый лучъ солнца, испустилъ первый стонъ существа дышущаго, стоялъ близъ Страстнаго монастыря, на Тверской. Роскошь окружила колыбель мою; слезы радости потекли изъ глазъ родителей моихъ при видѣ нетерпѣливо ожидаемаго младенца. Да и какая мать можетъ безъ восторга смотрѣть на сына своего въ колыбели? — Благодать Божія призвала меня къ христіанскому таинству крещенія. Воспріемниками отъ купели были: дядя мой родной баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ и сестра

моя княжна Прасковья Михайловна, пятилѣтній ребенокъ. Имя дано мнѣ Іоаннъ, въ честь и память переселившемуся отъ насъ въ вѣчность дѣду моему. Въ томъ же году родители мои собрались въ Кіевъ. Строгимъ правиломъ поставили они себѣ каждые три года навѣщать тамъ схимопахию Нектарію. Едва минуло мнѣ три мѣсяца, какъ повезли они и меня туда съ собою: горячность къ дѣтямъ не допустила ихъ разстаться съ нами. Въ концѣ года возвратился мы въ Москву благополучно, и стократныя благословія бабки моеи обогатили мое младенчество.

1765.

Марта 26, сестра моя занемогла оспой; отъ нея прнстала оспа и ко мнѣ съ такой силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣмѣлъ. Тогда еще не умѣли прививать сей заразы и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось корою, и въ такомъ положеніи оставалось только ожидать смерти. Богъ сохранилъ животъ мой,—да повѣмъ здѣсь дѣла Господня. Его великимъ промысломъ натура открыла вспомогательныя свои средства—и болѣзнь уступила ея силамъ. Тутъ явно совершилось надо мною чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія Матери, что въ Донскомъ монастырѣ, надъ царскими вратами; когда родители мои, болѣзнію моею огорченные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, подняли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной приложили — то вдругъ получилъ употребленіе всѣхъ моихъ

умершихъ чувствъ: сталъ видѣть и слышать; струпъ свалился съ лица моего, — оспа миновалась. Сіе я всей мыслию утверждаю, ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ извѣстившимъ; вѣрю паче Создателю моему, вся сверхъестественная могущему! и такъ оба мы съ сестрой выздоровѣли въ одно время. Въ Ноябрь Богъ благословилъ домъ нашъ новымъ залогомъ щедротъ своихъ: 23 числа родилась вторая сестра моя, княжна Анна; крестные отецъ и мать тѣ же были у нея, что и у меня.

1766.

Ничего достопамятнаго годъ сей не представляетъ, кромѣ рожденія меньшей и послѣдней сестры моей княжны Елисаветы, отъ которой мать моя разрѣшилась Декабря 12 числа. Крестилъ ее я и сестра моя большая.

1767.

Возрастъ сестринъ требовалъ уже воспитанія. Слѣдуя общему обычаю у Русскихъ, и батюшка принялъ къ себѣ въ домъ Француженку, по имени *madame Constantin*. Были и до нея у насъ иностранки, но мало держалась. Эта послѣдняя жила съ нами долго, и послѣ нея уже не принимали другой. Она была женщина не молодая, очень хорошихъ свойствъ, усердно привязана къ нашему дому, а паче ко мнѣ, и вмѣстѣ съ сестрою пріучила меня лепетать по-своему съ самаго ребячества. Болѣе замѣтить ничего я не

нашелъ въ теченіе сего года; а о вступленіи госпожи Constantin упоминаю потому, что вижу въ ней перваго человѣка сторонняго, котораго попеченіямъ и ласкѣ обязанъ я первоначальнымъ моимъ образованіемъ. Чувство благодарности требовало отъ меня, чтобы я остановилъ на семъ вниманіе дѣтей моихъ, дабы и они, глядя на меня, помнили своихъ наставниковъ. Благодарность есть изящнѣйшая добродѣтель. Человѣкъ, безъ нея возмужавшій, уподобляется хищному звѣрю, который равно пожираетъ того, кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ.

1768.

Родители мои, видѣвшіе на мнѣ и сестрѣ моей опытъ жестокости природной оспы, разсудили въ нынѣшнемъ году привить ее меньшимъ моимъ сестрамъ; къ чему представился весьма благопріятный случай. Императрица Екатерина, великая жепа во всемъ, желая показать примѣръ своимъ подданнымъ, рѣшилась привить оспу Наслѣднику Престола и единственному своему сыну, юному Павлу; но какъ и на ней самой не было оспы, то, преодолевъ всякій страхъ, расположилась она вмѣстѣ съ нимъ подвергнуть себя той же операци. Какой необыкновенный примѣръ всѣмъ отцамъ и матерямъ! всѣ стали ему подражать наперерывъ, и младенцы въ Россіи почувствовали скоро надъ собою спасительное дѣйствіе сего изобрѣтенія. Выписанъ былъ для царскаго дома славный врачъ, по имени

Диздаль. Онъ привилъ оспу Императрицѣ и Великому Князю; оспа принялась, продолжалась и сошла съ вождельнымъ успѣхомъ; все миновалось благополучно. Въ память столь счастливаго событія, учрежденъ тогда же праздникъ, и повелѣно было 21 Ноября, въ день выздоровленія царскаго дома, отправлять ежегодно благодарныя Господу Богу молитвы. Тотъ же самый докторъ, прибывъ въ Москву, прививалъ оспу сестрамъ моимъ. Какое вниманіе нашихъ родителей! ничего не жалѣли они на пользу нашу. 25 Декабря сестрамъ сдѣлана операція, и оспа во всѣхъ ея пзмѣненіяхъ была наиблагополучнѣйшая, даже не оставила необходимаго своего признака, когда природа въ этомъ случаѣ врача предупреждаетъ, ибо ни сколько не обезобразила лицъ у сестеръ моихъ, хотя на меньшей довольно была сильна. Годъ сей ознаменованъ однимъ этимъ происшествіемъ въ домѣ нашемъ.

1769.

Кончина дяди моего, князя Дмитрія Ивановича, панесла дому нашему чувствительную печаль. Его не стало 26 числа Мая; онъ жилъ въ Кіевѣ, состоялъ послушникомъ въ Никольскомъ монастырѣ; прожилъ, или, лучше сказать, продышалъ 31 годъ. Тѣло его погребено въ преддверіи Кіево-Печерской Лавры. Войдемъ въ краткую біографію сей плачевной отрасли несчастныхъ супруговъ.

Князь Дмитрій Ивановичъ родился въ зато-

ченіи и вывезенъ оттуда $1\frac{1}{3}$ году. На пути за-
немогъ оспой и оставленъ во Владимірѣ; оттуда,
по излеченіи, привезенъ въ Москву уже двухъ
лѣтъ. Тутъ воспитывался онъ вмѣстѣ съ отцемъ
моимъ. Войдя въ возрастъ, почувствовалъ стра-
сти и, къ несчастію, предметомъ склонности его
сдѣлалась одна бѣдная и незнатная барышня.
Родственники вооружились противъ союза съ ней.
Князь Димитрій долго боролся съ чувствомъ
сильной любви, но сердце превозмогло разумъ
и онъ лишился ума. Ему было уже 20 лѣтъ, и въ
такомъ жалкомъ положеніи не оставалось иного
средства помочь ему, какъ удалить отъ свѣта.
Подъ присмотромъ матери своей, началъ онъ
жить въ Кіевѣ, и въ Никольскомъ монастырѣ
проходилъ монашескій искусъ. Жизнь пусты-
ная успокоила, но не исправила разстроеннаго
воображенія. Бабушка, ни о чемъ уже не по-
мышлявшая, какъ о душѣ и спасеніи ея, возже-
лала постричь его и открыть ему тѣмъ надеж-
нѣйшій путь къ Небу. Она прибѣгнула къ Пре-
столу съ прошеніемъ о дозволеніи сыну ея при-
нять монашескій санъ. Екатерина, столь же
премудрая, какъ и сострадательная, не согласи-
лась на то, и рескриптъ, писанный ею къ Нек-
таріи, котораго за симъ помѣстится точная ко-
пія, свидѣтельствуется, сколь вѣдомо было ей
сердце человѣческое, и сколь уважала она ду-
шевные свойства постригшейся княгини Долго-
рукой. Итакъ князь Димитрій остался послуш-
никомъ, ходилъ въ церковь, постился, и прове-

дя остатокъ дней своихъ во власяницѣ, преселился въ общую отчизну — небо. Наружность его была прекрасна, ростъ сановитый, умъ имѣлъ пыкій, сердцемъ одаренъ былъ иѣжнымъ; съ отцемъ моимъ жилъ въ неразрывномъ союзѣ, и даже, находясь въ поврежденіи ума, когда узнавалъ его, бросался со слезами въ его объятія и не скрывалъ отъ него ни одной своей мысли.

Кто изъ чувствительныхъ людей не раздѣлитъ здѣсь прискорбія бабушки моей и не удивится мужеству, съ какимъ переносила она житейскія напасти, кои даже и подъ схиною не щадилъ ея сердца и вкрадывался въ сокрушенную ея душу? Мало было — потерять драгоцѣннѣйшаго друга, оплакать его мучительную кончину, оставить свѣтъ, — надлежало еще оплакивать безуміе любимаго сына, видѣть его мученія, да еще наконецъ и схоронить его въ сущей молодости, въ самомъ красномъ цвѣтѣ лѣтъ!!! —

Праведная жена! если, предстоя у престола Царя славы, ты на дѣянія чадъ своихъ долу взирать можешь, то не возгнушайся принять здѣсь отъ меня, недостойнаго твоего потомка, жертву того безпредѣльнаго уваженія, какое душа моя, умъ и всѣ чувства къ тебѣ сохранили, и зри, съ какимъ благоговѣніемъ я внутренно чествую память твою, вспоминая о каждой минутѣ неподобной твоей жизни!

Скоро, по полученіи сей печальной вѣсти, родители мои собрались въ Кіевъ навѣстить страдалицу Нектарію, и всѣхъ насъ взяли туда съ

собою. Такъ-то въ старицу дѣти читали отцевъ своихъ! Ни отдаленность, ни убытки, ни что не удержало ихъ отъ намѣренія летѣть въ Кіевъ, дабы хоть мало уврачевать рану дражайшей матери, видѣть ее, обнять и благословеніемъ ея усладить собственную свою горестъ. Мнѣ было только еще пять лѣтъ, и хотя мы прожили тамъ полгода, но я ничего видѣннаго въ тѣхъ мѣстахъ на память себѣ нынѣ привести не могу, кромѣ кельи моей бабушки и неоцѣненныхъ ея милостей ко мнѣ. Она безмѣрно жаловала меня изволила, и, признаться великъ наслышка, даже и баловала.

Копія съ РЕСКРИПТА:

Честная мать Монахиня!

Письмо ваше Мною получено, на которое, по прошенію вашему, иной резолюціи дать не можно, какъ только ту, что Я позволяю сыну вашему князь Дмитрію жить, по желанію его, въ монастырѣ, а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время, какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не привело.

Доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

Въ С. Петербургѣ,
Октября 27 дня 1769 г.

1770.

Въ Февралѣ мы возвратилсь въ Москву, а въ Юнѣ новое постигло насъ огорченіе: 16 числа, мать моя родила мертваго младенца мужескаго пола, коему назначалось имя Димитрія. Сн худые роды матери моеѣ можно почитать несчастіемъ, потому-что отсюда началсь всѣ ея болѣзненные припадки, коими она во всю свою жизнь страдала, и съ тѣхъ поръ уже перестала матушка носить дѣтей.

1771.

Сей годъ особеннаго замѣчанія требуетъ не только въ моей лѣтописи, по частнымъ приключеніямъ, въ домѣ нашемъ послѣдовавшимъ, но знаменитую составитъ эпоху и въ дѣписаніяхъ Россійскаго Государства; а потому изложу сперва вкратцѣ бѣдствія столицы; затѣмъ распространюсь на счетъ собственныхъ нашихъ огорченій.

Въ Москвѣ стала показываться чума — турецкій подарокъ. Сперва носилсь о томъ глухой гулъ въ народѣ, но молвѣ не вѣрили. Приверженный къ нашему дому лекаръ, человекъ вообще добрый, по имени Граве, самымъ скромнымъ образомъ извѣстилъ отца моего, что на Суковномъ Дворѣ уже оказалсь знаки моровой язвы, и совѣтовалъ до вскрытія рѣкъ выѣхать изъ города. Батюшка рѣшился дать ему вѣру, и Марта 24 переѣхали мы всѣмъ домою въ подмосковное наше село Вольнское. Оно стояло

въ 7 верстахъ отъ Москвы. Домъ большой, старинный, помѣстительный; изъ cadaго окна видна столица какъ на ландшафтѣ. . . . .

Скоро вспыхнулъ огонь въ Москвѣ, и язва зачала косить ея жителей. Зараза, большую получивъ силу, опустошала всѣ дома. На улицахъ поднимали сотни труповъ, ею пораженныхъ; въ Августѣ уже не было отъ нея никакого убѣжища, ежедневно кладбища въ глазахъ нашихъ принимали въ себя кучи мертвыхъ тѣлъ. Въ домѣ нашемъ всякія приняты были предосторожности. Нельзя было прекратить вовсе сообщенія съ городомъ: оттуда доставлялись съѣстные припасы и необходимыя потребности. На половинѣ пути отъ насъ учрежденъ былъ крестьянскій пикетъ. Все привозимое изъ Москвы тутъ складывали, и, окуривъ уксусомъ съ прочими, годными къ тому лекарственными вещами, и вывѣтривъ порядочно, привозили наконецъ къ намъ. Сами мы ни на шагъ отъ деревни не отлучались, и такъ прожили все опаснѣйшее время.

Одно бѣдствіе всегда сопровождается другимъ. Есть и пословица народная: придетъ бѣда, — отвориай ворота; такъ и нынѣ. Чума породила другое пагубное зло. Народъ, видя ежеминутно смерть предъ собою, не имѣлъ другого прибѣжища, кромѣ молитвы предъ иконами Святыхъ; въ это время всѣхъ болѣе прославилась икона Боголюбскія Божіей Матери, на Варварскихъ Воротахъ. Туда кидался народъ толпами. Но чѣмъ болѣе собиралось черни къ одному пункту,

тѣмъ естественнѣе сообщалась между ними зараза и умножались ея успѣхи. Правительство сочло необходимымъ пресѣчь такой притокъ народа къ одному мѣсту,—и въ слѣдствіе сего образъ тихо ночью вывезенъ. Чернь, узнавъ о семъ, взволновалась. Открылся обще-народный бунтъ, и 14 Сентября московскій архіерей, совершавшій въ Донскомъ монастырѣ литургію, убитъ разъяренною сволочюю. Шайка бродягъ вломилась въ храмъ. Святитель скрылся за иконостасомъ; ребенокъ зто видѣлъ и объявилъ мятежникамъ. Тѣло страдальца погребено въ томъ же Донскомъ монастырѣ.

Милость Божія между тѣмъ явилась снова надъ Москвою. Чума стала терять свою силу. Волненіе народное утихло. Съ зимою вмѣстѣ исчезла гнилость въ воздухѣ, и къ концу года зараза миновалась.

Во все время этой напасти мы прожили въ Волинскомъ. Телескопъ, не снимаясь съ окошекъ, наведенъ былъ поминутно то на Москву, то на кладбище. Все видѣли, все слышали и отъ всякаго слуха содрогались; но Господь помилывалъ насъ, и зло физическое къ намъ не прикоснулось. Всѣ поселяне наши, смиренныя, какъ овцы, ниже пошевелились и не приняли никакого участія въ возмущеніи. Похвально для ихъ, славно и для помѣщиковъ! Это означало кротость родителей моихъ въ управленіи домовнемъ. Никто подъ крышей нашей и во дворѣ не заразился; всѣ въ деревнѣ были живы, здоровы.

Благополучно, преблагополучно протекла для насъ въ семь отношеній ужасная для многихъ и при-скорбная година. Въ память сего благоволенія Божія и въ возблагодареніе Творцу отъ недостойной твари, учредилъ отецъ мой крестный ходъ въ деревнѣ, который совершается донинѣ, и на источникѣ, близъ села, въ деревнѣ *Давыдовѣ* отправляется водосвященіе 26 числа Августа въ день Владимірскія Божія Матери. На мѣстѣ томъ поставлена тогда же и часовня.

Но уввы! Избавившись отъ язвы тѣлесной, не освободились мы отъ язвы сердечной.

Мать моя лишилась брата своего родного, *барона Сергѣя Николаевича*. Потеря сія тѣмъ для нея была чувствительнѣе, что онъ скончался очень молодъ, оставя послѣ себя жену съ малолѣтнимъ сыномъ. Хотя со стороны достатка ребенокъ былъ весьма обезпеченъ, даже богатъ, но что замѣнить отца или мать? Дѣти безъ нихъ при всякомъ избыткѣ всегда спроты.

Приспѣлъ рокъ и бабушки моей, старицы Нектаріи. Она не пережила сего лютаго для Россіи года, и Юля 3 числа скончалась. Скоро дошло до насъ сіе извѣстіе. Оно всѣхъ поразило. Отецъ мой, привыкшій чтить ее, любить и повиноваться, такъ тронуть былъ симъ несчастіемъ, что у него отнялась рука. Всѣ плакали объ усопшей. И какъ иначе? Кого изъ насъ она не жаловала, не тѣшила? Меня ласки ея отъ всѣхъ прочихъ отличали. Часто, держа меня на колѣнахъ, она сквозь слезы восклицала: Ванюша, другъ мой

чье ты имя носишь? Несчастный супругъ ея безпрестанно жилъ въ ея мысляхъ. Но я, при извѣстїи о кончинѣ ея, въ томъ еще былъ возрастъ, въ которомъ чего-нибудь другого жаль, кромѣ игрушекъ. За то нынѣ, вспоминая объ ней, я каждую строку сей тетради орошаю слезами. Конецъ ея былъ подобенъ смиренной ея и надежной жизни. Приготовясь вѣрою къ вѣчному животу, она переселилась въ небесныя обители безъ трепета и унынія. Въ послѣднее время у нея часто шла кровь горломъ, и тѣмъ прекратились дни сей необыкновенной женщины.

Она какъ-будто предузнала приближеніе своей смерти и заочно всѣхъ насъ благословила разными иконами. Мнѣ присланъ послѣ нея крестъ съ мощами, а дому нашему вообще пожалованъ ею большой образъ нерукотворенный Спасителя, съ слѣдующей достопамятной для насъ на дескѣ его надписью:

«1771 года Мая 28-го дня образъ сей нерукотворенный Спаса Нашего Исуса Христа, чудотворный, истинный, неложный, сыну моему князю Михаилу Иванову Долгорукову даю съ тѣмъ благословеніемъ, что 1770 года въ Кіевѣ и во Фроловскомъ монастырѣ въ бывшую моровую язву благодатию того же Спаса Нашего Исуса Христа отъ сего образа, въ моей кельи въ то время бывшаго, какъ я сама и мои келейныя отъ оной моровой язвы спасены, такъ и съ нимъ, княземъ Михайломъ Ивановичемъ, того же Спаса Христа Сына Божія на семъ образѣ изо-

браженнаго, благодать да будетъ, и его жену и чадъ отъ всякія скорби и болѣзни и весь домъ его всегда да спасетъ; а имѣть сей образъ, яко чудотворный, истинный, дознанный и иеложный, въ домѣ его князя Михайлы Ивановича Долго-рукаго въ роды родовъ на благословеніе.»

По кончинѣ ея доставлены къ отцу моему разныя ея бумаги, между коими занимательны для каждаго записки ея руки о томъ, какъ она помолвлена, вѣнчана и потомъ отправилась въ Сибирь. Сокращенный журналъ сей, спустя много лѣтъ, былъ напечатанъ. Всѣ читали его въ Москвѣ со слезами, и жалѣть по справедливости можно, что она изволила его кончить на самомъ томъ мѣстѣ, какъ началось пребываніе ея въ ссылкѣ. Думаю, что чувства ея не сильны были выдержать новаго испытанія, и она не разсудила воливать своего сердца такимъ горестнымъ повѣствованіемъ. Изъ переписки ея съ отцемъ моимъ впишу я здѣсь послѣднее ея письмо, которое покажетъ, въ какомъ твердомъ духѣ и съ какимъ благоволеніемъ искреннимъ къ намъ она оставляла свѣтъ и готовилась разорвать земныя узы.

«Князь Михайла Ивановичъ, Княгиня Анна Николаевна!

«Не хотѣла пропустить почты, не давъ вамъ звать о себѣ, что я еще жива. Благодарю Бога, хотя въ слабости нахожусь, — однако все съ радостію приѣмлю, и васъ Богомъ прошу не тужить обо мнѣ. Богъ властенъ изъ мертвыхъ вос-

скрестить, — вѣдь когда-нибудь умирать! Надо во всемъ повиноваться власти Божіей, только бы Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ: все сиропы сладкіе, — и тѣ опротивѣли; когда бы можно достать хотя лимоновъ пять, — прислать; тоже моя бѣда, что кашлю не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить.

Препоручаю васъ Богу, оставляю миръ и благословеніе.»

С. Н.

Тутъ нѣтъ вѣтійства; но кто прочтетъ первыя строки и не умилится? Кто не заплачетъ? Такая участь смертныхъ: доколѣ мы дышемъ и бѣдствуемъ, насъ уничижаютъ; умремъ, — и тѣ же бѣдствія наши влекутъ общія слезы.

Вмѣстѣ съ рескриптомъ Императрицы Екатерины II на счетъ меньшаго сына ея, князя Дмитрія, о которомъ я уже упомянулъ, доставленъ къ намъ и другой, съ котораго не неприличнымъ считаю приложить здѣсь также точную копію; изъ оной видно, сколько уважала сію женщину сама Государыня:

«Честная мать! письмо ваше отъ 12 Юня я получила, за которое и за присланную притомъ икону Пресвятыя Богоматери, также усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ, будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ ос-

тавлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благо-склонная

ЕКАТЕРИНА.

Въ Петергофѣ 26 Іюня 1763 г.

Я бы желалъ, не смотря на слабость моихъ къ тому способностей, приняться написать исторію сей героини нашего времени: ибо великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ; по недостатокъ рукописей принуждаетъ меня оставить сіе намѣреніе: не чѣмъ руководствоваться, кромѣ слуховъ. Они разсыпаны повсюду, но, можетъ быть, не всѣ достовѣрны. Впрочемъ, весьма довольно и того, что въ разныя позднѣйшія времена было о ней писано и печатано; довольно и самыхъ историческихъ событій, дабы о княгинѣ Наталіи Борисовнѣ Долгорукой сдѣлать заключеніе не ложное, что она одарена была характеромъ превосходнымъ и приготовлена отъ юности къ душевному героизму. Вотъ какъ воспитывали женщинъ въ старинной Россіи! . . .

Если я и здѣсь повторилъ, можетъ быть, сказанное выше о ней же, то прости, читатель, моему восторгу и чувству сильнѣйшаго къ ней благоговѣнія.

1772.

Мнѣ минуло 8 лѣтъ, и пора приходила уже ввѣрить мое воспитаніе мужескому полу. Мадамъ Constantin, добрая старушка, присмотрѣвъ за мной въ первыхъ годахъ моего ребячества, ста-

новилась для наукъ моихъ бесполезною. Много одолженъ былъ я искреннимъ ея попеченіямъ. Ова меня отъ души любила: жаль было съ ней разстаться; но вдвое грустнѣе было перестать ночевать въ одной комнатѣ съ мамушкой *Марьей Картовной*, которая часто прикармливала меня пряниками съ золотомъ, и, по сродной жевщинамъ слабости, иногда давала волю блажить. Впрочемъ, съ ней я могъ видѣться въ свободное время отъ уроковъ; она оставалась жить въ нашемъ домѣ, а мадамъ, сдѣлавшись вѣнужною для насъ, пожелала сойти, — и навсегда насъ покинула. Съ признательностью общей родителямъ мои ее отпустили. Какъ не возблагодарить стократно того добраго человѣка, въ какой бы странѣ онъ ни родился, который оберегаетъ нашу юность отъ всякаго зла рачительнымъ присмотромъ, и къ наставленіямъ въ благонравіи присоединяетъ примѣры добродѣтельной жизни! Имя *madame Constantin* будетъ всегда въ устахъ моихъ отзываться съ благодареніемъ, любовью и похвалою. Въ сѣдыхъ волосахъ вспомню, что снживалъ у нея на колѣнахъ, пивалъ изъ рукъ ея чай, и.... поплачу, что ребячество мое, сіе счастливѣйшее время жизни, пролетѣло, какъ мигъ. Всякій возрастъ имѣетъ свои печали; это — первая, которую я испыталъ, умѣя уже чувствовать различіе между словами: *весело* и *грустно*. Я платилъ дань природѣ, какъ младенецъ; а родители мои дѣлали свое дѣло и руководствовались въ образѣ моего воспитанія благоразумными опытами.

Отець мой, образовавшись, можно сказать, самъ собою, безъ пособій стороннихъ, чувствовалъ болѣе многихъ, сколь полезно было имѣть въ юношество образователя надежнаго, и сколь трудно изъ собственныхъ опытовъ своихъ извлекать правила для жизни. Ему угодно было предназначить меня къ иностраннымъ дѣламъ. Цѣль сія требовала познаній обширныхъ и уважительныхъ. Необходимы были чужеземные языки. Все это требовало наставника просвѣщеннаго. Ни слова не скажу о тѣхъ двухъ иностранцахъ, кои на первыхъ порахъ вступили въ домъ нашъ, и года два у насъ жили. Они не могли заслужить довѣренности моихъ родителей; притомъ же разныя обстоятельства препятствовали основательнымъ образомъ предпринять мое воспитаніе. Итакъ я только привыкалъ около г. Руле лепетать по-латыни и по-французски и запасался первыми матеріялами къ методическому ученію.

Плавъ, предначертанный моимъ отцемъ, обнималъ слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, Исторію, Географію, Поэзію и Математику. По мѣрѣ возраста, предполагалось обучать и другимъ разнымъ то полезнымъ, то пріятнымъ художествамъ. Все это постепенно возьметъ свое мѣсто въ моей исторіи — тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Теперь я замѣтилъ только тотъ годъ, въ которомъ сталъ помаленьку отвыкать отъ женскихъ поблажекъ и споравлявать при-смотру надзирателя одного со мною пола.

Въ религіи наставникомъ моимъ былъ кроткій

и добрый, пожилой іерей Ал. Ст. — Онъ руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподоволь къ тѣмъ истинамъ, кои по времени должвы были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать что грѣхъ и что добро предъ Богомъ.

1773.

Въ этомъ году не случилось ничего замѣчательнаго съ нами, и потому займусь, какъ бы на досугѣ, сокращеннымъ изъясненіемъ моихъ свойствъ физическихъ и нравственныхъ — отрочества. По наружности я былъ чистъ, румянъ, но дурень лвцемъ и обезображенъ отъ природы челюстію нижней непомѣрно широкой и толстой губой, по которой, когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. Сложенія я былъ мокротнаго и очень подверженъ золотушнымъ болѣзнямъ: отъ нихъ я терпѣлъ много скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства казался быть по сей причинѣ флегматическимъ; но, напротивъ, я былъ холерикъ. Умственные мои способности раскрывались медленно; я былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была память, — твердить наизусть былъ мастеръ. Съ языка лилось какъ у попугая; но все забывалъ назавтра. Душевно былъ открытъ, сердоболенъ, но горячъ и страстенъ, а болѣе всего упрямъ. Отъ зтого меня жестоко унимали.

Вмѣстѣ со мной обучались всему, разумѣется, кромѣ латини, и сестры мои, приходя въ возрастъ. Мы воспитывались одинаково, тѣмъ же иждивеніемъ, съ такимъ же попеченіемъ. Чадолубіе нашихъ родителей простиралось на всѣхъ четверыхъ въ одной и той же мѣрѣ. Знайте сіе разъ на-всегда, безъ повторенія; ибо пишу свою собственную біографію; я пространно говорить буду о себѣ только одномъ и о томъ, что собственно до меня коснется и составитъ необходимый эпизодъ въ моей жизни.

1774.

Соскучивъ отставкой и праздною жизнью, отецъ мой разсудилъ искать упражненія въ службѣ. Иванъ Ивановичъ Бецкій открылъ ему дорогу. Ходатайствомъ его батюшка 20 Января опредѣленъ опекуномъ въ Московскій Воспитательный Домъ въ томъ же чинѣ, т. е. гвардіи капитаномъ, гдѣ и вступилъ въ новое поприще, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ходатая своего, Бецкаго. Иванъ Ивановичъ былъ тогда однимъ изъ первѣйшихъ сановниковъ въ нашемъ государствѣ. Онъ былъ человекъ кроткій, просвѣщенный и благонамѣренный. Вотъ главное! Екатерина II имѣла къ нему отличное уваженіе и, сверхъ многихъ другихъ порученій, особенно ввѣрены ему были столичные сиропитательные дома и достославный Смольный Монастырь, въ которомъ жили и воспитывались бѣднѣйшія благородныя дѣвушки законнаго рожде-

нія на всемъ казенномъ коштѣ. Сін заведенія вполнѣ процвѣтали при Иванѣ Ивановичѣ Бедкомѣ. Общая молва признательна была къ его способностямъ, и онъ къ счастію сиротъ сохраняемъ былъ самимъ Небомъ до престарѣлости, почти необыкновенной уже въ наши дни. Служа подъ начальствомъ его, батюшка находилъ истинное удовольствіе въ трудахъ своего званія.

Отъ дня моего рожденія, которое, какъ сказано, послѣдовало на Тверской, мы до сего времени жили въ разныхъ домахъ и перемѣняли ихъ часто. Батюшка, по приращеніи своего семейства и по другимъ, собственнымъ видамъ своимъ, то покупалъ готовые дома и послѣ продавалъ ихъ, то временно живалъ въ квартирахъ наемныхъ; нынѣ расположился онъ по мыслямъ своимъ выстроить себѣ домъ каменный съ подошвы, — и заложилъ оный 18 Мая на Тверской же. Сіе составило въ семействѣ нашемъ значительное происшествіе, и потому о немъ здѣсь помѣщаю, хотя, нѣсколько лѣтъ спустя, и оно попадетъ въ число мимоходящихъ случаевъ въ жизни человѣческой. Но что въ юдоли нашей вѣчно?...

Въ теченіе того же года мать моя занемогла горячкой. Сила болѣзни долго боролась со всякимъ врачевствомъ. Даже жизнь ея была въ отчаяніи. Но кто какъ Богъ! — Милостію Его сыскалось и вспомошествованіе. Опытный докторъ, нѣкто г. *Скіаданъ*, Грекъ порою, призванъ былъ на медицинскія совѣщанія, взялъ больную на свои руки, лечилъ и вылечилъ. Весной наступаю-

шаго года мать моя совсѣмъ исцѣлилась отъ болѣзни; но съ того же времени открылись въ ней разныя хроническія немощи, отъ коихъ она уже не освобождалась.

Принявъ намѣреніе писать сію большую книгу болѣе для дѣтей моихъ, нежели для всякаго, я за правило поставилъ себѣ откровенно бесѣдовать съ ними о шалостяхъ моихъ, дабы они, когда современемъ будутъ воспитывать дѣтей своихъ, умѣли въ поступкахъ ихъ различать порочное съ умыслу отъ шалости, свойственной каждому ребенку; и для того не промолчу здѣсь о первой моей уважительной шалости. Monsieur Roulé столько уже научилъ меня по-латинн, что я могъ перенять выраженіе латинскаго слова и даже написать его при нуждѣ безъ ошибки. Во время лекарскихъ съѣздовъ, по случаю матушкиной болѣзни, къ намъ въ домъ, васлушался я разныхъ латинскихъ ботаническихъ названій и изглядѣлся на форму, какой писались рецепты. Вздумалось мнѣ и самому похвастать своимъ мастерствомъ: я написалъ рецептъ, составилъ его изъ разныхъ знакомыхъ мнѣ словъ и, подписавшись подъ руку домового нашего лекаря, отправилъ съ мальчишкой въ аптеку. Составъ былъ, видно, необыкновенно крѣпокъ и, можетъ быть, смертоносенъ. Аптекарь оставилъ рецептъ, а лекарства не отпустилъ. Лекарь нашъ о семъ увѣдомленъ, и въ страшномъ испугѣ кинулся къ батюшкѣ. Начался домашній розыскъ; дошло дѣло до меня. Пришлось повиниться и часть ва

колѣна, — но это не спасло моеѣ плоти: меня порядочно наказали, — и по-дѣломъ!...

1775.

Съ новымъ годомъ судьба кинула на нашу кровлю и новыя печали и новыя радости. Дѣло обыкновенное! Дядя мой родной, онъ же и крестный отецъ, баронъ Ал. Ник. Стр., стоялъ съ полкомъ Кирасирскимъ, которымъ онъ командовалъ, въ Польшѣ; при выходѣ оттуда вздумалось ему потѣшить мать мою. Для сего онъ выпросилъ у тогдашняго короля Станислава патентъ миѣ на чинъ полковничій (который и донинѣ въ бумагахъ моихъ хранится), а съ нимъ вмѣстѣ майорскій чинъ для моего учителя г. Рулѣ. Съ сими бумагами присланъ къ намъ отъ него 14 Января полковой адъютантъ. Съ какимъ восторгомъ встрѣченъ гонецъ въ нашемъ домѣ! «*Ивашинька полковникъ*» какая радость! какое торжество! Сколько благодарныхъ писемъ написано къ дядѣ-благодѣтелю! сколько подарковъ куплено для вѣстника! — и вся эта радость по времени обратилась въ дымъ. Патентъ, преогромный, только умножилъ собою число дѣтскихъ моихъ грушекъ.

На первыхъ порахъ отецъ мой составилъ на счетъ меня слѣдующій планъ: ему угодно было, чтобы я съѣздилъ въ чужіе края и, конча тамъ науки, явился бы въ Польшу для вступленія въ службу по чину, мнѣ королемъ пожалованному. Но, по зрѣломъ размышленіи, планъ этотъ былъ

оставлепъ отцемъ моимъ; патептъ спрятали въ чаянїи, что, можетъ быть, какъ подросту, онъ будетъ мнѣ на что-нибудь полезень; умолкли потомъ рукоплесканія семейныя, и столь радостный случай въ первую минуту превратился потомъ въ самый ничтожный, о которомъ намъ послѣ не было даже удовольствїя разговаривать между собою. Минутное обольщеніе фортуны уступило мѣсто кореннымъ попеченїямъ моихъ родителей и они прилагали труды къ трудамъ, чтобы какъ можно лучше образовать мои юношескіе годы и сдѣлать меня человѣкомъ достойнымъ.

Весною мать моя освободилась отъ своей опасной болѣзни, и среди лѣта батюшка рѣшился вмѣстѣ съ ней отправиться въ Петербургъ. Нужнымъ казалось отцу моему ознакомиться съ начальникомъ своимъ, Бецкимъ. Поѣхала съ ними и сестра моя большая, а мы, меньшія дѣти, остались въ Москвѣ, подъ присмотромъ: я у Руле, а сестры обѣ у взрослыхъ нашихъ родственницъ, дѣвицъ Я . . . , находившихся подъ покровительствомъ моего отца. Кстати здѣсь я долженъ сказать, что, по добродѣтельнымъ свойствамъ родителей моихъ, домъ нашъ наполненъ былъ бѣдными дѣвушками. Сверхъ упомянутыхъ двухъ, кои жили подъ кровлей нашей не отъ нужды, по потому, что, лишась родителей своихъ и имѣя братьевъ, воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, онѣ нашли болѣе приличнымъ для себя укрыться у насъ, вежели жить однимъ въ сво-

емъ домѣ, содержались у насъ еще двѣ, немущія дѣвушки Гр...вы и барышня Г...а. Вотъ изъ сколькихъ и какихъ лицъ составлялась наша община по отъѣздѣ батюшки съ матушкой; я же съ утра до вечера обучался иностраннымъ языкамъ.

Между тѣмъ поднялась въ низовыхъ предѣлахъ Россіи черная и ужасная туча: она разразилась надъ Казанью и сопредѣльными ей губерніями; чуть-чуть не достигла и до столицы. Простой казакъ, по имени *Емелька Пугачевъ*, собравъ шайку бродягъ, началъ грабить веси и селенія, подбирать къ себѣ народъ, обольщая его свободой. Чернь ему вѣрила и шла за нимъ всюду; толпы его по мѣстамъ стали рѣзать и мучительно истреблять дворянъ. Страхъ овладѣлъ всѣми; у всякаго помѣщика смерть висѣла надъ головою ежеминутно. Всѣ бѣжали изъ вотчинъ и вотчины опустошались. Противъ злодѣя двинулись полки; посланъ графъ Панинъ, мужъ стойкій въ добродѣтели, вельможа прямо русскій, герой на полѣ брани, мечъ булатный въ сенатѣ на неправду. Онъ-то наконецъ поймалъ изверга и положилъ конецъ мятежамъ междоусобнымъ. Исторія должна современемъ безпристрастно сказать потомству, сколько тяжелъ былъ сей случай для Россіи. Мое дѣло говорить лишь о себѣ. И мы понесли большую утрату въ своемъ достояніи. Вотчина батюшкина въ Пензенской губерніи — село Царевщино съ деревнями, изобильная пажитями и хлѣбородная, населявшая до 1200 душъ

крестьянъ, увлечена была вся въ этотъ бунтъ. Мужики отложились отъ помѣщика, убили прикащика, разграбили фабрики и заведенія, пропили и свое и господское имущество. Убытокъ нашъ, по вѣрнѣйшимъ справкамъ учрежденнаго потомъ комитета для вспомоствованія разоренному дворянству, простирался до 70 тысячъ...

Непомѣрные убытки и разореніе лучшаго нашего имѣнія въ Пензѣ принудили батюшку поспѣшить возвращеніемъ своимъ въ Москву и оставить Петербургъ прежде, нежели онъ предполагалъ до сего обстоятельства.

1776.

По соединеніи всего нашего дома опять въ кучку, жили мы лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ Вольинскомъ, и тамъ батюшка имѣлъ несчастіе вышибить себѣ руку. Вотъ какъ это случилось. Онъ жаловалъ кататься по вечерамъ въ линѣйкахъ. Проѣзжая чрезъ лощину, онъ забоялся и думалъ, что лучше будетъ пройти пѣшкомъ: не останавливая лошадей, спрыгнулъ съ линѣйки, споткнулся, упалъ и кость плечная вонъ въ ту же минуту. Наспѣу его привезли домой; нестерпимая боль его тирански мучила. Матушка была внѣ себя и болѣзнь ея новую получила силу. Всѣ мы были въ тревогѣ чрезвычайной; но терять время въ отдиѣхъ суетахъ около больного бесполезно; послали за Алексѣевскимъ костоправомъ: мужикъ простой изъ-подъ Москвы славился тогда своимъ искусствомъ. Какъ странно,

что въ такомъ обширномъ столичномъ городѣ одинъ только крестьянинъ способенъ былъ помогать страждущимъ въ подобныхъ случаяхъ!— да и тотъ дѣлалъ свое дѣло почти самоучкой, безъ малѣйшей легкости, что онъ доказалъ и надъ моимъ отцемъ. Но дѣлать было нечего: другой помощи искать было негдѣ. Измучивши отца моего, вправилъ онъ ему руку. Послѣ сей, можно сказать, не операціи, а пытки, отецъ мой сутки двои былъ очень опасенъ. Медикъ угрожалъ ему антоновымъ огнемъ; но, благодареніе Богу! крѣпкая старинная натура все перенесла, я батюшка, пострадавши съ полгода, наконецъ выздоровѣлъ; никогда однако же не могъ онъ уже поврежденною рукою дѣйствовать такъ свободно, какъ прежде, и при каждой переменѣ погоды она у него до-сихъ-поръ страдаетъ. Это обстоятельство принудило его взять спова отставку и простудило въ немъ на нѣкоторое время желаніе поворотить службою то, что онъ прежней отставкой потерялъ. Замѣтимъ, сколько отецъ мой имѣлъ на пути ко счастію преградъ! сколько сопротивленій встрѣчалъ онъ своимъ предпріятіямъ! неудача за неудачей, убытокъ за убыткомъ; но, твердый въ религіи, онъ не унывалъ, бодрствовалъ и только отъ Бога чаялъ всѣхъ своихъ подпоръ и уврачеваній. Учитесь, дѣти, такимъ правиламъ: они тверже суетныхъ покровителей міра, краше злата и топазія!

Здѣсь упомяну я о вступленіи въ нашъ домъ иностранца Совере, которому обязанъ я много

своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ наукахъ. Онъ родомъ былъ Французъ и принадлежалъ къ сословію іезуитовъ, служилъ нѣкогда въ Испаніи и носилъ тамошній мундиръ; человекъ былъ умный, свѣдущій и крайне осторожный; сердце имѣлъ доброе и благородное. О! я никогда не постыжусь сказать, что изъ всѣхъ моихъ стороннихъ наставниковъ, никому я не долженъ такую благодарностью, какъ ему. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ до самаго вступленія моего въ свѣтъ и кончилъ образованіе моею юности. Батюшка привялъ его тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, не доволенъ будучи предметникомъ его, который отошелъ отъ насъ, сообщивши мнѣ нѣкоторыя первоначальныя свѣдѣнія и приготовивши только къ тому, чтобы я могъ начать съ пользою основательное ученіе.

1777.

Г. Совере, войдя въ виды моего отца, налегъ со мною на латинь и довелъ меня до того, что я могъ уже заниматься Гораціемъ, Вергиліемъ и прочими писателями. Корнелій Непотъ былъ такъ мнѣ знакомъ, какъ русская книга.

Батюшкѣ хотѣлось теперь проложить мнѣ дипломатическую дорогу, и на сей конецъ онъ располагалъ отправить меня въ чужіе края на нѣсколько лѣтъ въ хорошій университетъ; но совѣты Ивана Ивановича Шувалова поколебали его въ этомъ намѣреніи болѣе, нежели самая разстройка имѣнія. Шуваловъ былъ изъ числа бли-

жайшихъ бояръ, оберъ-камергеръ и Университета Московскаго главный попечитель; — имъ учреждено было сіе училище въ царствованіе Елисаветы, при которой родъ Шуваловыхъ отличною украшался довѣренностью престола. Шуваловъ долго жилъ въ Парижѣ и наглядѣлся на образъ воспитанія молодыхъ Россіяпъ, пріѣзжавшихъ туда обучаться. Лѣта его и опытность давали ему право о предметѣ семъ разсуждать рѣшительно. Онъ, наклоненъ будучи къ пользамъ своего отечества, любя истинное просвѣщеніе и питая почти пристрастное чувство къ російскому университету, убѣдилъ отца моего записать меня въ оный. Батюшка съ довѣренностью внималъ его совѣтамъ, и скоро согласился съ нимъ. Итакъ проектъ моего путешествія остался безъ исполненія. Я записанъ въ Университетъ Московскій и принятъ по предварительномъ экзаменѣ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Около четырехъ лѣтъ обучаясь дома, я могъ уже слушать профессорскія лекціи. Съ одобренія двухъ профессоровъ, Чеботарева и Аничкова, назначено мнѣ ходить въ слѣдующіе классы, а именно: къ профессору Барсову слушать Поэзію, къ Аничкову Логикку и Метафизику, къ Рейхелю Всеобщую Исторію, къ Чеботареву Россійскую высшую Словесность, къ Росту — Физику; а у протоіеря Петра Алексѣевича слушалъ я Законъ Божій. Университетъ имѣлъ при себѣ въ одномъ и томъ же составѣ гимназію, гдѣ обучались ученики низшаго разряда разнымъ пріуго-

товительнымъ предметамъ. Изъ нея поступали въ вышесказанные классы къ профессорамъ тѣ только ученики, кои заслуживали повышенія въ студенты; и хотя я не былъ еще студентомъ, но удачный мой опытъ на экзаменѣ отворилъ мнѣ входъ на профессорскія лекціи; я началъ ихъ слушать ежедневно отъ 8 часовъ до 12 утра и отъ двухъ до 6 по полудни. Между студентами одинъ только я былъ ученикъ. Г. Совере позволено было являться вмѣстѣ со мной на лекціи; слѣдовательно присмотръ за мной былъ повсюду неослабный. Изъ такого ко мнѣ снисхожденія университетскихъ властей извлекалъ я ту существенную пользу, что по вечерамъ, возвращаясь домой, могъ слышать отъ Совере вновь объясненіе всѣхъ профессорскихъ лекцій того дня, и послѣку онѣ преподавались на латинскомъ языкѣ, то мнѣ и нужно было тѣмъ прилежнѣе повторять ихъ дома подъ руководствомъ своего учителя. Слушая профессора при многихъ, не такъ удобно можешь все понять и удержать въ разумѣніи. Такимъ образомъ началъ я учиться съ Сентября мѣсяца. Директоръ университета г. Приклонскій оказывалъ мнѣ полное покровительство; кураторъ, престарѣлый и добрый Мелисино являлъ мнѣ часто знаки своего благоволенія; гг. профессора принимали во мнѣ участіе непритворное; студенты, сотоварищи мои, были ко мнѣ ласковы: оставалось самому не быть лѣнливому и пользоваться временемъ. О, сколь много обязанъ я былъ стараніямъ моихъ родителей и

попеченію моего Совере. Не дерзну приписать успѣхъ моего экзамена и всѣ счастливыя его послѣдствія моимъ отличнымъ талантамъ и трудамъ; сохрани меня Богъ отъ такой гордой мысли. Во всемъ способствовали мнѣ: покровительство Шувалова, вниманіе родителей моихъ къ учителямъ, ихъ услуги и ходатайства неотступныя!

Не отважусь также сказать здѣсь ни слова о томъ, полезнѣе ли былъ для меня такой ходъ воспитанія передъ тѣмъ, какой данъ бы былъ мнѣ въ чужихъ краяхъ. Вопросъ сей рѣшить можетъ одна опытность: моя слишкомъ недостаточна еще, чтобъ произнести рѣшительный приговоръ; думаю только, по неограниченной любви моей къ родителямъ моимъ, что всякое ихъ о мнѣ предположеніе должно было быть и лучшимъ и правильнѣйшимъ. Все, что имъ угодно было на мой счетъ придумать и основать, привыкъ я почитать для себя совершеннымъ. Вотъ въ чемъ и донынѣ состоитъ все мое любомудріе.

Между тѣмъ настоящій годъ долженъ особенно быть мною замѣченъ потому, что въ ономъ я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго дома въ общее семейство Московскаго Университета, слѣдовательно вступилъ въ міръ и началъ жить съ людьми.

Въ то же время и батюшка опять вступилъ въ службу. Праздная жизнь ему не нравилась. Дѣятельный разумъ его искалъ трудовъ, полезныхъ для общества. Генераль-прокуроръ князь Вяземскій извѣстенъ былъ у двора и въ дѣлѣ своемъ

искусень, полюбилъ моего отца, сдѣлался его благодѣтелемъ; по его ходатайству, батюшка опредѣленъ былъ Императрицею Екатериной прокуроромъ въ Коллегію, на которую было возложено хозяйственное управленіе имѣній, собранинхъ въ одну массу, подъ названіемъ экономическихъ волостей. При семъ назначеніи пожалованъ ему чинъ Коллежскаго Совѣтника.

1778.

Школьная жизнь доставила мнѣ разныя пріятности и развернула суетныя побужденія самолюбія. По случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, 12-го Декабря протекшаго года, Московскій Университетъ праздновалъ торжественнымъ академическимъ актомъ въ Январѣ мѣсяцѣ сіе вождедѣнное событіе. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать стихи и рѣчи, кои на разныхъ языкахъ были произнесены профессорами и студентами. И я удостоенъ былъ чести на сей разъ причислиться къ ихъ сословію. Г. Чеботаревъ сочинилъ краткую на русскомъ языкѣ рѣчь, согласную съ моимъ возрастомъ, которую я проговорилъ наизустъ съ кафедры. Надобно замѣтить, что ученики, произносившіе разныя стишки, на кафедру не становились: зто преимущество принадлежало только студентамъ. Пусть вообразятъ, сколь важно было для меня имъ воспользоваться! Сколько же я и трусилъ, приговорясь къ такой новой почести! — Въ юныхъ лѣтахъ на-

шихъ и малость дѣлается важнымъ происшествіемъ. Со мною вмѣстѣ робѣли за меня и всѣ домашніе. — Наконецъ наступилъ знаменитый день! Пришелъ срокъ и я взмогся на кафедру, съ которой чуть видна была моя головенка, — принялъ видъ важный и заговорилъ. Голосъ мой сначала задрезжалъ; меня всего приняла дрожь болѣзни; но отступить было уже поздно; дѣло начато, — надлежало кончить, — и рѣчь свою я выговорилъ довольно удачно. Разумѣется, она была не велика. Рукоплесканія раздались во всей залѣ. Сколько въ ней было тогда отцовъ и матерей, и могли ли они равнодушно смотрѣть на ребенка, поставленнаго на такомъ мѣстѣ? Какъ услаждался во мнѣ червь самолюбія! Сердце билось, какъ маятникъ. Сошедши съ кафедры, я бросился въ объятія моихъ родителей. Первые восторги моей радости принадлежали имъ безспорно. Слезы ихъ съ избыткомъ вознаграждали меня за всѣ мои безпокойства. Всѣ были мной и я всѣми доволенъ; и тотъ меня подзоветъ, и другой и третій; кто поцѣлуетъ, кто похвалитъ, кто скажетъ съ улыбкой благоволенія: « bravo, mon prince!» — а мое Я растетъ выше Ивана Великаго. . . . О, сладкія обновы сердечныхъ радостей! — износитесь вы скоро, — минуты ваши летятъ какъ вихрь, ничто ихъ возвратитъ не можетъ. . . .

Въ Іюнь бываютъ ежегодные экзамены. Университетъ цѣлый мѣсяцъ ими занимается, а 30 числа они оканчиваются публичнымъ торжествен-

нымъ актомъ, на которомъ даютъ награжденія учащимся. Испытанія въ низшихъ классахъ были для меня весьма счастливы: я получилъ награжденіе изъ Русскаго класса г. Чеботарева, — оно состояло въ книгѣ съ надписью золотыми буквами: *за прилежаніе*. Книга эта донынѣ у меня хранится, какъ памятникъ юношескихъ моихъ успѣховъ. Мнѣ даны были нѣкоторыя сочиненія Ломоносова in quarto. Дорога не книга, но цѣль сего подарка. По экзаменамъ высшихъ классовъ я удостоенъ производства въ студенты; публично провозглашенъ имъ, при многочисленномъ собраніи зрителей, въ аудиторіи и пзъ рукъ г. директора Приклонскаго получилъ шпагу, какъ отличительный знакъ студента, получающаго, по установленіямъ университета, вмѣстѣ съ академическимъ симъ названіемъ, право на офицерскій чинъ при выпускѣ. Кто бы на моемъ мѣстѣ не обрадовался такому быстрому полету?

Подъ конецъ года университетъ лишился одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ: г. Рейхель скончался. Онъ былъ мастеръ своего дѣла, и по-латинѣ говорилъ безъ запинки; сладкоглазливъ былъ въ классѣ и вниманіе наше безъ принужденія за нимъ слѣдовало. Со всею почестью, должной его заслугамъ, погребенъ сей ученый мужъ въ лютеранской киркѣ. Всѣ студенты сопровождали гробъ его и меня съ ними туда же возили. Всѣ о немъ единодушно жалѣли. Вотъ какъ въ наше время умѣли цѣнить достоинства, умѣли оказывать признательность добро-

дѣтельнымъ наставникамъ! Я не могу умолчать о семъ, дабы дѣти мои, которыя, можетъ быть, въ иныхъ временахъ застанутъ иные нравы, видѣли изъ моей исторіи, что благодарность составляла лучшую добродѣтель нашего вѣка, и въ воспитаніи юношества она ставилась существенною обязанностью. Дай Богъ, чтобы это правило сохранилось; но сомнѣваюсь. — Мѣсто Рейхеля въ университетѣ заступилъ г. Чеботаревъ, который переведенъ изъ гимназій, и началъ преподавать намъ Исторію уже не на латинскомъ, а на русскомъ азыкѣ; что я нахожу весьма правильнымъ; ибо свой природный языкъ всегда знакомѣе чужого, слѣдовательно и наука вразумительнѣе. Скоро послѣдовали сему во всѣхъ классахъ и Русскій Языкъ сдѣлался наконецъ общимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,

Говоря о полезныхъ моихъ трудахъ, не скрою и шалостей. Кто безъ нихъ выросъ на свѣтѣ? Правда, я мало имѣлъ для нихъ досуга; праздного времени оставалось у меня немного, потому что, кромѣ университетскихъ лекцій, я многимъ предметамъ обучался еще и дома, какъ на прим. Нѣмецкому Языку. Впрочемъ, мнѣ всегда было жаль батюшкыныхъ издержекъ на этотъ предметъ: парѣчіе германское мнѣ вовсе не давалось, учился года два, и слова не затвердилъ. Славный Матесіи училъ меня фехтовать и я принялся за ремесло рубаки прекрасно. Missoly и Grangé выправляли мнѣ ноги, — и я плясалъ изрядно. Старый артиллерійскій сержантъ занималъ меня

математическими упражненіями, но — грѣшный человекъ, — дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей! — въ манежѣ славный Деккеръ гонялъ меня на хордѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, въ угожденіе батюшкѣ, далъ мнѣ стремяна и шпоры. — Всю школу выѣздилъ, а верхомъ сидѣть не выучился: что сяду на лошадь, то и долой на полъ, ногами вверхъ. Ходилъ даже ко мнѣ и солдатъ изъ-подъ Новинскаго пріучать меня къ барабанному бою. Я всѣ военныя бои вытвердилъ и тревогу задавалъ въ лукошко, ходя по нашему палисаднику, мастерски. Одному рисованію и музыкѣ я не научился, потому что не имѣлъ терпѣнія обводить карандашемъ глаза и носы, также и пальцами не умѣлъ перебирать струнъ. Принимался за то и за другое: тщетно! — чего не дала природа, того не развернешь. Всякое существо имѣетъ свои способности; ихъ однихъ и воздѣлать могутъ труды и воспитаніе.

Казалось бы, что при такихъ неусыпныхъ трудахъ и безпрестаныхъ урокахъ нѣкогда проказъ творить; но ребенокъ на все найдетъ время. Я успѣвалъ между классами во время звонка, сойдя на дворъ будто бы для нужды, столкнуться съ разнощикомъ и захватать въ-долгъ коврижекъ. У меня завелась потаенные пріатели: *Прошка* кондиторъ и *В....* пряпичникъ; и когда долги мои обнаруживались, батюшка ихъ оплачивалъ наличными деньгами, а меня сѣкали свѣжимн прутьями. Но все это только шалости. Исповѣдую здѣсь откровенно проступки моей

юности, кои нынѣ, приходя мнѣ на память, обращаютъ все мое негодованіе на самого себя, потому что они были порочны, — и, — слава Богу! вѣчная благодарность родителю моему и наставнику Совере! — безъ ихъ строгаго надзора я могъ бы сдѣлаться самымъ развратнымъ человекомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ назидать ребенка. Первыя движенія нашего сердца, первые наши помыслы требуютъ бдѣнія за нами неотступнаго. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ служить доказательствомъ сему замѣчанію.

Служба моего отца и мѣсто его въ Коллегіи Экономіи привлекали къ нему разныя лица и чины. Одинъ изъ знакомыхъ батюшки * * *, ѣздилъ къ намъ часто обѣдать и посидѣть. Изъ какихъ-то видовъ желая подслужиться батюшкѣ, онъ сталъ особенно ласкать насъ, дѣтей, въ надеждѣ уловить родителей моихъ слабостью чадолюбія. Меня выучилъ онъ играть въ карты и, не смѣя подвергнуться съ подарками, проигрывалъ мнѣ въ дураки и въ марьяжъ по 5 и по 10 рублей. Появились у меня деньжонки; я хвасталъ своимъ счастіемъ въ игрѣ и такъ мало видѣлъ въ ней худого, что даже однажды не потаилъ удачи моей надъ игрокомъ самому Совере. Тотъ смѣтилъ, въ чемъ дѣло, снесся съ отцемъ моимъ и совокупно стали дѣйствовать. Батюшка отказалъ своему знакомому отъ дома, а у меня Совере отобралъ все до копѣйки и строго наказалъ за мою шалость. На то время она была только ребячествомъ, но могла укорениться и сдѣлаться

страстью подлой, низкой. Подобныя покушенія тушить должно съ первой искры. А съ какимъ злодѣемъ можно сравнить человѣка въ лѣтахъ и съ чиномъ, который подобными путями запутываетъ въ свои сѣти и самую невинность? Какая чума для дѣтей люди такого рода!

Долги, въ которые вводили меня пряники и дѣтскія лакомства, хотя не могли быть огромны (всякому это понятно), однако все превышало тотъ рубль, который мнѣ иногда подарятъ, бывало, батюшка и матушка, какъ ребенку, или за хорошій урокъ, или за смиренную вечеринку. Задолжавши больше, я боялся сказать и вывертывался обманами. Никогда, никогда не прощу себѣ, что я не стыдился прибавлять счетъ билетовъ часовыхъ учителей и, дѣлавши это въ такое время, когда Совере на нѣсколько мѣсяцовъ отлучался, употреблялъ во зло довѣренность отца моего, который, платя черезъ меня учителямъ деньги, всегда выдавалъ мнѣ по числу билетовъ лишнее противъ того, что должно было. а я сими излишками оплачивалъ мои прихоти и всегда сводилъ прекрасно концы съ концами. Тѣмъ тягостнѣе для меня нынѣ воспоминавiе такой лжи и, скажу безъ прикрасъ, такого мошенничества, что никто о томъ не зналъ, никто меня не считывалъ и я за зтотъ поступокъ остался не наказанъ. Чѣмъ полнѣе была ко мнѣ довѣренность моего отца, который лучше обо мнѣ думалъ, нежели сколько я стоилъ, тѣмъ чувствительнѣе я въ поступкѣ моемъ раскаивался, пришедши въ

возрасть. И для чего все это дѣлалось? Для какихъ-нибудь бисквитовъ или вяземской коврижки, которыя, бывало, тороплюсь тихонько въ углу гдѣ-нибудь съѣсть, чтобъ не видали! — И самое лакомство теряло свою сладость въ волненіяхъ боязни. О, сколько пужво трудовъ около ребенка!

Какъ камень свалилъ съ души, сказавъ здѣсь о тайныхъ моихъ грѣхопаденіяхъ въ юности! Взявъ намѣреніе писать сію книгу для своего потомства, я тѣмъ откровеннѣе говорю о себѣ, что хочу привлечь къ словамъ моимъ полную вѣру дѣтей моихъ, ежели оными благословитъ меня Богъ; — хочу, чтобы они видѣли меня со всѣми моими недостатками и пороками, и учились бы моими опытами исправлять подобныя слабости въ себѣ. Можетъ быть, и они не избѣгутъ въ теченіе своей молодости тѣхъ или другихъ проступковъ: желаю только того, чтобъ они въ нихъ раскаивались такъ же чистосердечно, какъ и я, и чтобъ всегда на памяти было у нихъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ, признаніе царя Давида, изрекшаго нѣкогда: «Господи, грѣхъ юности моя и невѣдѣнія моего не помяни!» —

1779.

По какимъ-то маловажнымъ несогласіямъ добрый Совере оставилъ домъ нашъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять переѣхалъ къ намъ. Тѣмъ временемъ, дабы я не терялъ порядка въ занятіяхъ своихъ, ходили ко мнѣ давать уроки въ свободные часы отъ университетскихъ клас-

совъ г. профессоръ Чеботаревъ, который уже вѣсколько лѣтъ обучалъ меня и сестеръ моихъ Русской Словесности, — студентъ Курика, который проходилъ со мною Латинскій Языкъ и укрѣплялъ въ ономъ, и студентъ духовной академіи Михайло Гумилевскій, бывшій потомъ подъ именемъ Моисея еодосійскимъ епископомъ: онъ толковалъ мнѣ Церковную исторію и Катихизисъ. Такимъ образомъ я и безъ Совере былъ безпрестанно занятъ. Но, по привычкѣ къ нему, все мнѣ было его жаль, и я обратному его вступленію въ нашъ домъ очень обрадовался.

Въ этотъ годъ развернулась во мнѣ новая способность, ничтожная сама по себѣ, но которая, какъ увидятъ по времени, важное имѣла вліяніе на судьбу мою. Батюшкѣ угодно было, обновя построенный домъ свой, доставить намъ забавы, свойственныя нашему возрасту, и для сего построено было въ залѣ небольшой театръ, на которомъ я, въ первый еще разъ, сталъ играть и трагедіи и комедіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. Никто меня не училъ декламировать, но ужь видно было изъ дѣтскихъ моихъ пріемовъ, что я достигну до нѣкотораго совершенства въ этомъ родѣ, — и признаюсь, что я безъ всякой ватяжки самъ пристрастился къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ природа, то мы и будемъ. Если бъ я попался на руки къ славному тогда Дмитревскому: конечно, я бы вышелъ скорѣй совершенный актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ или что-нибудь другое.

Не стану разсуждать о томъ, есть ли добро или вредъ отъ театровъ въ обществѣ. Всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ разные виды. Одобреніе или хула часто происходятъ не столько отъ сущности дѣйствія, сколько отъ того, съ какой точки зрѣнія человекъ на него смотритъ. Многіе писали противъ театровъ, многіе за нихъ. Задача не рѣшена; а между тѣмъ отъ самой глубокой древности находимъ въ человѣческихъ обществахъ театры и подобныя имъ зрѣлища. Но воротимся къ себѣ. Мы нѣсколько разъ поиграли зимою въ своей семьѣ, и отъ этого я лишникъ тысячу стиховъ вытвердилъ наизусть и по-русски и по-французски, коихъ думаю, до смерти не забуду. Все, что въ молодости попадетъ въ голову, врѣзывается въ памяти, какъ на мѣди и едва ли стирается даже подъ старость.

Природа своимъ обыкновеннымъ порядкомъ стала образовывать мою физіку. Я вступилъ въ юношество, которое латинская грамота называетъ *adolescencia*, и, какъ просто говорится по-русски, *передъ усами* — зажегъ сильной горячкой. Она была продолжительна, даже опасна. Весь Великій Постъ я не вставалъ съ постели. Лечили меня Скіданъ и домовоіъ лекарь Феттеръ. Сей послѣдній много трудами своими помогъ моему выздоровленію. Неоднократныя испанскія мухи замучили меня. Спознался я съ латинской кухней и съ немощами человѣческими; строгая діета, по мѣрѣ облегченія моего, еще болѣе меня тиранила, чѣмъ всѣ химическія при-

правы господъ врачей. Тяжело было и мнѣ и родителямъ моимъ. Все около меня плакало. Смерть была, такъ сказать, у тебя на носу; но что мы знаемъ, бѣдныя человѣки, объ участи нашей? Все отъ насъ сокрыто въ будущемъ. Какъ часто природа, по маію Вседержителя тварей, затягиваетъ въ жизни нашей такіе узлы, отъ которыхъ, кажется, въ минуту вся нить ея перервется, когда, напротивъ, клубокъ дней нашихъ еще великъ и весьма еще далеко до послѣдней — глухой петли. — Благодареніе Богу; спасибо Феттеру! — Я выздоровѣлъ, сталъ опять на ноги, началъ расти и сдѣлался нарнемъ. Услышалъ Отецъ Небесный молитвы родителей моихъ и, къ великому дню праздника Христова, я уже могъ съ сестрами свободно катать янца.

Потомъ опять за ученье, опять въ университетъ. Весь Іюнь, по обыкновенію, прошелъ въ экзаменахъ. Къ торжественному акту заданъ былъ въ классѣ высшей словесности латинской и русской отъ г. профессора Барсова предметъ для диссертациі *laus Ciceronis*. Всѣ студенты того класса, въ томъ числѣ и я, обязаны были представить на латинскомъ языкѣ похвальное слово сему великому римскому оратору. Въ университетѣ былъ такой законъ: когда ученики нижнихъ классовъ получали въ награду за прилежаніе книги, рисунки и прочія вещи, тогда студенты высшихъ наукъ награждались за превосходную диссертацию золотой, а за лучшія изъ прочихъ серебряною медалью. Первая готовилась только

одна, а послѣднихъ чеканили три съ особенными на нихъ учеными изображеніями, приличными случаю. Принялся и я за диссертацию и написалъ ее всю самъ. Но надобно было ее отработать и дать ей печать посильной изящности. Въ этомъ обязанъ я былъ попеченію сотоварища моего въ классахъ и учителя въ домѣ, помянутаго Курики. Онъ со мною вмѣстѣ прочелъ ее всю и погрѣшности исправилъ, недостатки пополнилъ, слабыя мѣста усилилъ. Диссертация вышла добра и я за нее получилъ серебряную медаль, которую долго хранилъ, но потомъ потерялъ, какъ-будто бы въ обличеніе, что не единственно самому себѣ былъ ею обязанъ.

При большомъ съѣздѣ въ публичной аудиторіи самъ г. кураторъ вручилъ мнѣ медаль; и потомъ я въ благодарность взмогнулся опять на кафедру и произнесъ французскіе стихи подъ названіемъ: *le triomphe d'Apollo*, которые на сей случай нарочно сочинилъ для меня добрый мой Совере. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣломъ расла и слава моя въ ученомъ вертоградѣ.

Осенью того же года удостоенъ я новой чести въ ученомъ свѣтѣ: принять въ *авскультанты* въ Вольное Россійское Собраніе при университетѣ, учрежденное съ цѣлію способствовать усовершенію отечественной словесности. Авскультантъ есть званіе академическое. По-русски можно объяснить его словомъ: протоколистъ; потому что должность моя была, засѣдая въ означенномъ собраніи за секретарскимъ сто-

ломъ, записывать голоса членовъ и пренія ихъ въ особый журналъ. Въ этомъ собраніи присутствовали первостатейные профессора и другія ученые московскія знаменитости. Оно составлялось по вечерамъ каждую субботу. Въ мое время происходилъ славный и громкій споръ, о которомъ твердятъ многіе и донынѣ, чтобы литеру ъ, яко букву, неимѣющую своего отдѣльнаго звука, и тѣмъ самымъ ненужную въ письменахъ російскихъ, исключить изъ азбуки, подобно тому, какъ перестали употреблять *кси*, *пси*, и проч. Преніе сіе произвело множество насмѣшекъ, а пользы никакой.

Зимою матушка опять занемогла горячкою и новый докторъ г. *Пегелу*, принявъ ее на свои руки, очень ей помогъ. Болѣзнь ея, по стеченію разнородныхъ причинъ, была тяжела и продолжительна и, хотя она освободилась теперь отъ горячки, такъ же, какъ и отъ прежней, но большую часть жизни своей, томясь въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, она стала наконецъ самою хворою женщиной.

1780.

По пословицѣ русской: чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, живетъ и человѣкъ. Чѣмъ больше лѣтъ, тѣмъ больше опытовъ и случаевъ, къ нимъ ведущихъ.

Меня дома занималъ Совере переводомъ прекрасной книги г. *Mercier: les songes philosophiques*; но книга, ежели смѣю сказать, не соотвѣтство-

вала моему возрасту. Я не могъ понять ее совершенно; слѣдовательно переводъ мой вышелъ болѣе наборъ словъ, нежели смысленное сочиненіе. Домашніе мои учителя, подѣ руководствомъ коихъ я трудился, сколько ни старались исправить мой переводъ, но желаніе сохранить въ немъ вѣкорныя черты моей собственной работы сдѣлало то, что переводъ мой остался все не хорошъ, и только тогдашнія мои лѣта могли извинить его недостатки. Книга въ томъ же году напечатана. Переводчикъ ея наименованъ *авскультантомъ*. Вотъ первый шагъ къ знакомству моему съ ученой публикой. Я посвятилъ свой трудъ Ивану Ивановичу Шувалову, какъ жертву благодарности за покровительство его и попеченіе о моемъ образованіи. Почтенный вельможа удостоилъ меня привѣтливимъ письмомъ, котораго приложу я здѣсь копію. Это письмо составляло для меня важный трофей: оно обратило на меня вниманіе моихъ сверстниковъ.

Домъ нашъ въ это время вовлеченъ былъ въ необыкновенную разсѣянность. Слѣдующее обстоятельство подало тому поводъ: Императоръ римскій Іосифъ XI, подѣ именемъ графа Фалькенштейна, путешествуя по Европѣ, былъ въ Петербургѣ и посѣтилъ Москву. Онъ изъявилъ особенное любопытство видѣть университетъ. Къ посѣщенію сему огромныя были сдѣланы приготовленія. Мы должны были въ присутствіи высокаго посѣтителя слушать наши лекціи и, такъ сказать, выдержать экстраординарный экзаменъ

въ разныхъ предметахъ. Занимательнѣе всѣхъ прочихъ классовъ былъ для путешественника— физическій. Профессоръ Ростъ приготовилъ нѣсколько опытовъ, въ числѣ коихъ назначено было и мнѣ по части воздуха показать и изъяснить одинъ. Мой опытъ состоялъ въ томъ, чтобы силою воздуха наружнаго разбить въ мелкія части гладкую поверхность стекла на металлическомъ стаканѣ, когда изъ-подъ колокола вытянется воздушнымъ насосомъ весь внутренній воздухъ. Насосъ сей называется на ученомъ языкѣ *antha pneumatica*. Даны мнѣ нужныя орудія. Зала была наполнена множествомъ зрителей. Мой взоръ устремлялся на одно лице императора. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на дѣйствіе, мною произведенное. Опытъ удался совершенно: стекло треснуло, и путешественникъ, подозвавъ меня къ себѣ, потребовалъ изъясненія причинъ, отъ чего сіе такъ случилось. Я удовлетворилъ его вопросу на латинскомъ языкѣ. Ему угодно было спросить, кто я таковъ, и потомъ онъ, съ благосклонною улыбкой изволивъ меня отпустить. Въ прочихъ классахъ уже дѣло до меня не доходило. Минимый графъ выѣхалъ изъ университета совершенно имъ довольный и, какъ мнѣ казалось, замѣтилъ мое лице. Въ публичныхъ мѣстахъ, и куда начинали уже вывозить и меньшихъ моихъ сестеръ, императоръ любовался невинностью княжвы Анны, ея танцами и часто съ нею говаривалъ, лаская ее, какъ ребенка. Подобные успѣхи въ большомъ свѣтѣ имѣла и другая сестра

моя, княжна Прасковья, какъ въ Петербургѣ во время нашей поѣздки туда, такъ и въ Москвѣ на праздникахъ графа Шереметева, которые давались для прусскаго принца Генриха. И такъ со стороны дѣтей своихъ родители мои были всегда судьбою довольны, а удовольствіе ихъ, отражаясь на насъ, дѣлало и насъ счастливыми и дома, и внѣ нашего семейства.

Отецъ мой видя, что мнѣ уже исполняется 18 лѣтъ, почувствовалъ необходимость записать меня въ службу. Всѣ молодые люди моего состоянія обыкновенно въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію и дожидались офицерскихъ чиновъ по домамъ. Средство, общее съ ними, для меня уже было опущено. Тогда, какъ многіе въ мои годы дѣлались офицерами, неприятно было бы батюшкѣ заставить меня служить въ низшемъ чинѣ и нѣсколько лѣтъ ждать одинакихъ преимуществъ съ людьми, мнѣ по всѣмъ отношеніямъ равными. Остался одинъ способъ быть тотчасъ офицеромъ, хотя и не въ гвардіи; — и сямъ способомъ обязанъ я университету. При учрежденіи его во времена Императрицы Елисаветы, Шуваловъ, сильный того вѣка вельможа, установилъ съ высочайшей конфирмаціи, чтобы всякій студентъ, изучившій латинскій языкъ, выпускаемъ былъ, по окончаніи наукъ изъ университета, оберъ-офицеромъ, и на основаніи сего узаконенія, я выпущенъ 3 Юля въ прапорщики. Военная Коллегія выдала мнѣ патентъ и записала меня въ списокъ перваго Московскаго Пѣхотна-

го полка. Итакъ я, вопреки общему обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офицеромъ и сталъ между своей братьей, дворянами, нѣчто необыкновенное; потому что, какъ выше сказано, всѣ почти безъ изъятія благородные люди и съ малымъ достаткомъ наполняли гвардейскіе полки. Во всякомъ изъ нихъ считалось по нѣскольку сотенъ унтеръ-офицеровъ, а въ Преображенскомъ даже за нѣсколько тысячъ. Изъ этой толпы юношей, богатые и отличные породой поступали въ офицеры, а прочіе выходили въ армейскіе полки уже капитанами, или, по крайней мѣрѣ, поручиками. Мнѣ одному суждено было показаться въ свѣтъ прапорщикомъ армейскимъ. Третье число Юля сугубо сдѣлалось для меня замѣчательнымъ на всю мою жизнь. Въ этотъ день скончалась бабка моя схимонахиня Нектарія, — и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами позже, я вступилъ на службу царю и отечеству!

Здѣсь оканчивается эпоха моего юношества, и, по прямому моему плану, первая часть моей исторіи. О службѣ моей стану говорить въ слѣдующей. Теперь же еще изложу нѣкоторыя подробности о протекшихъ годахъ домашняго моего воспитанія. Не смотря на то, что я уже выпущенъ былъ изъ университета и пересталъ въ немъ слушать лекціи, добрый Совере оставался еще при мнѣ, и я много упражнялся дома съ нимъ и сторонними учителями, обучаясь вѣмецкому языку и Математикѣ, ѣздилъ въ манежъ;

фехтовалъ, танцовалъ и продолжалъ бить въ барабанъ. Батюшка пересталъ обращаться ко мнѣ съ одними угрозами и управлять мною орудіями страха: онъ допускалъ уже меня до разсудительной бесѣды съ собою, давалъ мнѣ наставленія и укорялъ съ любовію, безъ вспылчивости гнѣвной. Матушка жаловала меня съ нѣжностью, но безъ поблажекъ. Мамы не прикармливали пряниками тихонько, а дядьки не дирали за уши за все-про-все. Совере увѣщевалъ меня, но уже не стращаль: все перемѣнилось во мнѣ и вокругъ меня!

Страшное нѣчто о физикѣ моей передамъ здѣсь моему потомству. Я боялся посреди большой комнаты пройти одинъ, и приходилъ въ робость отъ всякаго насѣкомаго; я блѣднѣлъ и пугался ночныхъ тѣней въ саду, а паче на кладбищахъ. Станетъ, что мамы съ ребячества моего пугали меня привидѣніями, лѣшими, ворожеями, какъ то часто водится; но, кажется, должно въ подобныхъ случаяхъ при воспитаніи младенца отдѣлять тѣ страхи, кои вселяютъ въ насъ дурной навикъ отъ естественныхъ отвращеній, кои всякому тѣлу сродны и сопутствуютъ ему до гроба. Эту истину дозналъ я на себѣ опытомъ. Батюшка хотѣлъ, чтобы я ничего не боялся, и строгія предпринималъ средства; не знаю, удалось ли бы ему исподволь и съ мягкостью истребить во мнѣ пустые мои страхи: думаю однако, что нѣтъ, — полагая съ своей стороны, что физическое отвращеніе отъ чего-либо, которое мы, по привычкѣ, страхомъ называемъ, не можетъ быть ни чѣмъ

искоренно: по крайней мѣрѣ рѣшительно могу сказать то, что строгость не помогла моему отцу, ибо я до сихъ поръ, будучи уже женатъ и отецъ, все-таки боюсь большого пространства и широкимъ полемъ или заломъ одинъ никакъ не пройду. Врачи, съ которыми я о семъ толковалъ, увѣряли меня, и я на ихъ мнѣнія соглашаюсь, что это происходитъ отъ особеннаго устройства моего зрѣнія. Иные боятся сверху смотрѣть внизъ: — мнѣ нѣтъ нужды; я съ Ивана Великаго глядѣлъ и не робѣлъ; вапротивъ же посреди поля, или залы, у меня задрожать колѣна и я — ни съ мѣста. Мой взоръ ищетъ около себя границъ: безпредѣльность его смущаетъ. Сколько однако, и все напрасно, наказывали меня за это, приписывая шалости натуральный недостатокъ въ организаціи! Помню я: однажды батюшка приказалъ мнѣ взять жука въ руки, я не послушался отъ страха; батюшка принудилъ, — я взялъ, но затрясся и поблѣднѣлъ. И теперь не могу я видѣть этого насѣкомаго; не боюсь, но чувствую отвращеніе, и непременно измѣняюсь въ лицѣ, когда жукъ попадется мнѣ на глаза. Мало ли людей, которые боятся даже неодушевленныхъ вещей? Подобныхъ примѣровъ множество. Батюшка, живя въ Вольцкомъ, посылалъ меня часто одного послѣ ужина, при сіяніи полнаго мѣсяца, на ближне кладбище, и самъ, стоя на крыльцѣ, смотрѣлъ въ слѣдъ за мною. Никогда не возвращался я оттуда домой безъ трепета и нервической судороги. Я не боюсь мертвецовъ, но, воз-

вращаясь съ похоронъ, бывшю и нынѣ смущенъ и задумчивъ, теряю сонъ и все мое воображеніе разстронвается. Довольно сихъ примѣровъ, чтобъ показать, какъ нужно худой навикъ отличать отъ естественнаго недостатка.

Прощай юность драгоцѣнная! ты летишь отъ меня какъ сонъ, и одна память представляетъ еще тебя моему воображенію. Скоро и та износится, — изгладятся въ ней черты твои! — Буду еще говорить, что и я былъ ребенокъ, но уже не вспомню, не насладусь твоимъ ощущеніемъ, твоими забавами!

Вѣчная благодарность вамъ, наставники мои и учителя! Хвала достопочтенному ментору Совере! Хвала и признательность университетскимъ властямъ за ихъ попеченіе! — До гробовой доски сохраню память о вашихъ трудахъ и благоволеніи ко мнѣ. До послѣдняго издыханія стану богоговѣть предъ ликомъ добродѣтельныхъ мужей: Шувалова, Мелиссино и Хераскова, кои съ участіемъ сердечнымъ покровительствовали мнѣ въ храмѣ Аполлона и не пренебрегали моими малыми способностями! Да усовершитъ же Богъ толь благія начинанія и да ниспошлетъ родителямъ моимъ отраду увидѣть во мнѣ нѣкогда достойную отрасль своего знаменитаго корня. Забывая чистосердечно всѣ преграды, встрѣчавшіяся отцу моему въ его намѣреніяхъ о мнѣ, и покоряясь Промыслу, все устрояющему во благое, етократно возопію:

Благословенъ Богъ, благословивый тако: Слава Тебѣ!

Къ сему отдѣленію принадлежатъ два письма, кои особенную приесли честь моему дѣтскому возрасту; объ одномъ я уже упомянулъ: оно отъ Шувалова; другое получено мною при подаркѣ отъ преосвященнаго Самуила, который былъ очень друженъ съ отцемъ моимъ. — Вотъ съ нихъ обоихъ точныя копіи! Первое писано по-русски, послѣднее по-латинѣ. Я ихъ хранию, какъ памятникъ не столько слабыхъ моихъ успѣховъ, сколько благосклоннаго вниманія ко мнѣ мужей, прославившихъ вѣкъ свой своими душевными достоинствами.

ПИСЬМО ШУВАЛОВА.

Государь мой!

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ переводъ вашъ, мнѣ приписанный, за который приношу вамъ, государь мой, мое благодареніе. Желательно, чтобы благородные люди слѣдовали похвальному вашему примѣру въ ученіи. Ничто не можетъ быть полезнѣе отечеству, какъ знаніе въ людяхъ вашего рожденія, безъ которыхъ чины, знатность и всѣ наружныя преимущества тщетны. Вы, государь мой, именемъ и успѣхами дѣлаете честь вашему училищу.

Примите повтореніе въ моей признательности и почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть покорный и послушный слуга

Ив. Шуваловъ.

ПИСЬМО ОТЪ САМУИЛА.

Domine princeps Iohannes Michaëlices!

Librum *), olim a me tibi promissum, tandem nunc mitto tuis usibus. Lege, relege, imo omnia quae in eo tuis commodis inservitura advertes, in succum et sanguinem, ut ajunt latini, converte.

Adjungo hic etiam dissertationem, latinam a Principe Paulo de Daschroff concinnatam, Edimburgi typis evulgatam, nuper ad me e Scotbandia transmissam. Evolve illam diligenter. Ejus stylus magnopere mihi arrisit. Ex animo vellem, ut ei palmam prae-riperes. Cetera vale cum tuis carissimis parentibus omnibusque tibi sanguine junctis.

Ita vult et precatur tibi ex animo faventissimus
Samuël Archiepiscopus Rostoviensis et Jaroslaviensis.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

---

*) Лучшій латинскій лексиконъ in quarto.